

МЕСТО ПУШКИНА В ИСТОКЕ МОНГОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ*

Цэвээний Магсар**

Аннотация

В настоящем докладе автором предпринимается попытка рассмотрения проблем взаимообогащения культур соседствующих народов, в данном конкретном случае, влияния творчества А. С. Пушкина на некоторые характерные черты монгольской поэзии нового времени, демонстрируются факты переориентации традиционного монгольского художественно-поэтического мышления в сторону европейского. Автор считает, что начало данного процесса в некотором роде было продиктовано особым увлечением монгольских поэтов и переводчиков творчеством Пушкина.

Ключевые слова: развитие нового художественно-эстетического направления, взаимообогащение культур, восточная эстетическая почва, шедевр русской классической литературы, аспекты влияния творчества Пушкина.

* Статья поступила 14.12.2011 и прошла рецензирование 01.01.2012.

** Профессор, кафедра русского языка и литературы, Монгольский государственный университет образования.

Pushkin's Position in Mongolian Modern Poetry*

Magsar Tseveenii**

Abstract

In this article author has considered problems of mutual enrichment of neighboring countries' culture, particularly, influences of A. S. Pushkin's literature on several characteristics of the Mongolian modern poetry, and has demonstrated facts about the pre-orientation of traditional Mongolian artistic and poetic view to the European trend. The author regards the inception of such process is attributed from the passionate interest of Mongolian poets and translators of Pushkin's literature.

Key words: development of new artistic and esthetic tendency, mutual enrichment of culture, eastern esthetic basis, masterpiece of Russian classic literature, aspects of Pushkin's literature influences.

* Received: December 14, 2011; Accepted: January 1, 2012.

** Professor, Department of Russian Language and Literary, Mongolian State University of Education.

普希金在現代蒙古詩歌的地位*

策旺**

摘要

本文作者以普希金作品對現代蒙古詩歌部份特點的影響為例，分析相鄰民族之間文化的相互充實，並指出蒙古傳統藝術美學思維歐化的現象。作者認為，蒙古詩人與譯者對普希金創作的熱愛開啟了此一轉化過程。

關鍵詞：新藝術美學發展趨勢、文化的相互充實、東方美學基礎、俄羅斯經典文學名著、普希金創作的影響

* 本文2011年12月24日到稿，2012年1月1日審查通過。

** 作者係蒙古國立師範大學俄文系教授。

Монголия находится на стыке двух разных типов культур, хотя ее собственная культура примыкает к восточному типу, который в своем монгольском варианте естественным образом развивался и “невредимо” сохранился вплоть до начала прошлого столетия. В ту пору ее культурно-экономические связи оставались больше с Востоком, нежели с Западом, что послужило почвой укоренения в монгольском национальном сознании типичного восточного художественного мышления, отличающегося своей каноничностью, символичностью и гармонической созерцательностью, несмотря на то что географическое расположение самой Монголии могло благоприятствовать и тому и другому типу культур. Данное предположение мотивируется произошедшими изменениями и нововведениями, имевшими место в монгольской художественной культуре (а шире - в монгольском национально-художественном сознании) XX века, в конкретном случае имеется в виду поэзия, казалось бы, самая оригинальная и заурядная область из всего того, что можно назвать национальным.

Взаимообогащение культур соседствующих народов носит ценностный характер в плане углубления и глобального расширения духовного пространства их носителей. Монгольская поэзия до начала XX века была связана в большей степени с тибетской культурой, и в определенной мере впитывала в себя элементы китайской культуры, особенно в отношении двух начал природы “арга-билик” (два противоположные начала в древней восточной философии), а также индийской и санскритской с ее нравоучительной тенденцией. Так что эти свойства для нее являются традиционными.

Однако, исторически так получилось, что в результате монгольской народной революции 1921 года (в иных источниках ее называют “аратской революцией”), целенаправленной в первую очередь против иноземных захватчиков, была создана благоприятная почва для развития новой, совершенно отличающейся от

предыдущей по своим идейно-формальным параметрам культуры, которая, к великому нашему сожалению, в дальнейшем свертывается под единый идеологический монизм. Первыми зачатками на той почве были поэтические творения. Именно поэзия в лице Д. Нацагдоржа, С. Буяннэмэх, Ц. Дамдинсурэна и их современников лидировала в модернизации монгольской культуры того времени, которая и нуждалась в ней, так как устоявшийся веками канонический стереотип художественно-поэтического мышления с его религиозно-нравоучительной тенденциозностью уже препятствовал самому себе и ограничивался лишь традиционными формами и средствами словесности.

Поворотный момент в развитии художественно-поэтического мышления, обусловленный общественно-исторической ситуацией, привлекал творческую интеллигенцию Монголии на сторону европейской культуры, отмеченной в ту пору мировыми интересами, и совпал с бурным развитием серебряного века русской поэзии. И в силу исторических обстоятельств, что Россия и Монголия тогда стали странами одной общественно-формационной системы, и в силу того, что первыми монгольскими лидерами-интеллектуалами в послереволюционное время были лица с классическим российским образованием, как Ц. Жамцарано и Б.Ринчен, наиболее питательной средой для расцвета нового художественно-поэтического направления послужила классическая русская литература, в том числе, русская поэзия. Это было той средой, где не только шли различные поиски, делались художественные эксперименты, сравнения, складывались позиции, взгляды под ее влиянием, но и росло новое поколение монгольской художественной интеллигенции, формировалась прекрасная плеяда современных монгольских литераторов, многие из которых впоследствии учились в Литературном институте имени М. Горького. Нужно отметить, что их восхищение шедеврами русской литературы, в частности, произведениями А. Пушкина, М.

Лермонтова, Л. Толстого, Ф. Достоевского, А. Чехова, С. Есенина, М. Шолохова, непременно оставляло глубокий след в ихнем собственном творчестве. Более того, многие из монгольских поэтов и писателей занимались переводом из русской литературы, выполняли благородную миссию приобщать монгольских читателей к шедеврам мировой культуры. И сам перевод, и творческий поиск поэтов-писателей были своеобразной школой развития их собственной художественной лаборатории. Вот что писал об этом известный монгольский ученый, поэт-писатель Ц. Дамдинсурэн русскому поэту Н. С.Тихонову: “...Пользуясь случаем, хочу Вам сказать, что мы, монгольские писатели учимся у русских классиков и советских писателей. Советские писатели дают нам образцы высокого идейно-художественного мастерства. Поэтому из иностранных писателей в первую очередь мы стараемся переводить на монгольский язык именно русских.”²

Одной из характерных черт монгольской поэзии нового времени, в особенности, двадцатых, тридцатых годов прошлого столетия, является неожиданно обрушившийся новый приток европейской поэтической мысли в традиционно-национальное художественно-поэтическое мышление. Среди тех, кто стоит в истоке данного притока, особое место принадлежит Пушкину и некоторому его влиянию на современную монгольскую поэзию. О влиянии творчества Пушкина на монгольскую литературу можно говорить в трёх аспектах: во-первых, в плане литературного стиля, то есть в том, что было привнесено извне в ходе перевода на монгольский язык или исследования произведений Пушкина, во-вторых, в тематическом плане, в частности, можно говорить о произведениях, написанных монгольскими поэтами и писателями на тему “Пушкин”, и наконец, в третьих, в плане биографии писателей, точнее, можно говорить о разных

² Ц. Дамдинсурэн. Бурэн зохиол. 3 дугаар боть, УБ., 2001, 518- р. тал.

жизненных и бытовых фактах, которые имели место в жизни монгольских писателей преимущественно в силу впечатления от творчества Пушкина.

Знакомство монгольских читателей с произведениями Пушкина началось с 30-х годов XX века, когда монгольская творческая интеллигенция во главе с Эрдэнэбатханом развернула широкомасштабную работу по развитию художественной, в том числе, художественно-переводной литературы. Первый сборник произведений Пушкина на монгольском языке вышел в 1936 году, куда были включены несколько стихов в переводах Д. Нацагдоржа, Ц. Дамдинсурэна и Б. Ринчена. А в настоящее время на монгольском языке насчитывается более двухсот произведений Пушкина, из которых многие доставлены в руки читателей не в единственном варианте. Например, в данный момент стихотворения "Возрождение", "Элегия" и "Я памятник себе воздвиг нерукотворный" имеют по 5 вариантов перевода на монгольский язык, стихотворения "Калмычке", "К Чаадаеву", "Прощанье" и "Я вас любил: любовь еще быть может" - по 4, "Я помню чудное мгновение" – по 10.

Первый опыт по переводу произведений Пушкина и связанная с этим выработка определенных теоретико-методологических концепций (они были востребованы, так как относительно перевода европейских стихотворных текстов на монгольский язык в то время не существовало никаких теоретико-практических ориентаций), а попозже непосредственное общение монгольских поэтов и писателей, в первую очередь тех, кто учился в Литературном институте имени Горького, с творчеством великого поэта уже через знание русского языка как раз создают те нити влияния пушкинского мира на монгольскую литературу, которые в той или иной мере были отмечены в художественно-эстетической жизни и истории современной монгольской литературы.

Улавливая эти нити, однако же, нельзя сказать, что монгольские поэты и

писатели просто так подражали Пушкину или копировали его мысли, но весьма примечательным является то, что многие элементы из его творчества, а шире, из русской эстетической мысли стали уже достоверными фактами монгольской художественной литературы XX века, вернее, по-своему прижились на восточной эстетической почве, образуя тем самым своеобразные пласты литературно-художественного мышления, которые находятся какбы на стыке двух культур - восточной и западной. С точки зрения национальной литературы элементы эти как таковые следует назвать художественными поисками, потому-что многие из них в языковой сфере или в рамках художественно-поэтического стиля того времени носили экспериментальный характер. В частности, риторический вопрос в лирике или жанр сонета, а также некоторые формально-композиционные элементы, вовсе нетрадиционные для восточной поэзии, были переняты в монгольскую словесную практику еще в первой половине прошлого века именно по следам перевода из творчества таких знаменитых писателей и поэтов, как Пушкин.

Одним из первых переводчиков поэтических произведений Пушкина по праву считается основоположник современной монгольской литературы Дашдоржийн Нацагдорж. Его перу принадлежат переводы, например, таких знаменитых стихотворений, как “Анчар”, “Узник”, “Ворон к ворону летит” и другие. Стихотворение “Анчар” в переводе Д. Нацагдоржа существует до сих пор в своем единственном варианте, сделанном в 1936 году. Следует подчеркнуть, что это был первый опыт перевода с русского языка не только Пушкина, но и вообще европейской поэзии, так как история монгольской переводной литературы до двадцатых годов XX века в основном знает переводы только из санскритской, тибетской, а также китайской литературы, созданной в стиле совершенно ином, чем европейском. Вслед за переводами Нацагдоржа последовали переводы “Песни о вещем Олеге”, “Тучи”, “Сказки о рыбаке и рыбке” Ц. Дамдинсурэном,

“Аквилона” и “Цыганов” Ц. Цэдэнжавом, “Письма Татьяны” Д. Дашдоржем, “Зимнего вечера”, “Я памятник себе воздвиг нерукотворный” Х. Пэрлээ. Многие из них вместе с некоторой прозой Пушкина (“Капитанская дочь” и “Метель” в переводе Э. Оюуна, “Дубровский” в переводе Б. Гонгоржава) в свое время были включены в учебники по литературе для средних школ.

Надо сказать, что перевод пушкинских произведений еще в те времена стал рычагом для развития некоторых важных моментов современной монгольской переводческой практики. К примеру, по горячим следам своих первых переводов Ц. Дамдинсурэн написал две статьи и издал в 1938 году в журнале “Шинэ толь”. Теоретические положения, выдвинутые Ц. Дамдинсурэном, относительно некоторых приемов художественного перевода были своевременными и в практическом плане ценными, особенно для начинающих переводчиков, поскольку в то время в монгольской художественно-переводческой литературе, как было отмечено, не было конкретных теоретико-методологических постулатов, на которые можно было бы опираться, делая переводы с русского или с других европейских языков. Энциклопедическое руководство “Мэргэд гарахын орон”, как единственное теоретико-методологическое пособие по переводу, существовавшее до того времени, уже не отвечало новым требованиям к художественно-переводческой практике. Поэтому статьи Ц. Дамдинсурэна, написанные на основе длительного поиска в области поэтического перевода, стали бесценным материалом для дальнейшей практики. В частности, его соображения по поводу максимального приближения оригинала к почве той культуры, на которой создаётся переводной текст были, на наш взгляд, самыми справедливыми и перспективными. К тому же, он сам доказал это своим переводом некоторых поэтических произведений Пушкина, таких как “Песнь о вещем Олеге”, “Сказка о рыбаке и рыбке” и др.

В статье “О переводе Песни о вещем Олеге А .С. Пушкина и некоторые замечания” им были удачно апробированы два момента, один из которых касается сопоставительного анализа русского и монгольского стихосложений, развитого впоследствии в трудах Ч. Чимида, другой касается чисто теории перевода, в частности, доказательства великим учёным своей концепции в области перевода относительно необходимости приспособления оригинала к иной читательской среде. В переводе пушкинских произведений Ц. Дамдинсурэн часто проявляет склонность к преобразованию архитектоники и ритма стиха, сохраняя при этом стиль и поэтику хутожественного текста, причем, стиль, ярко вписывающийся в монгольское устное народное творчество того времени. Благодаря такому стилю, который с равносильным успехом был использован, в частности, в переводе “Сказки о рыбаке и рыбке”, переводы Ц. Дамдинсурэна намного легче запоминались. Образ старухи из “Золотой рыбки” нынче у монголов стал как-бы нравственным мериллом чрезмерной жадности. Между прочим, такого примерно переводческого принципа придерживался сам Пушкин, будучи автором перевода многих произведений Вольтера и Парни.

Перевод “Сказки о рыбаке и рыбке” на монгольский язык – явление безмерно значительное для последующей переводческой практики. Тот опыт, который использовал Ц. Дамдинсурэн в переводе данного произведения, зарекомендовал себя с более оптимальной, положительной стороны и в дальнейшем был удачно опробован не только самим Дамдинсурэном, но и другими монгольскими переводчиками поэтических произведений. История перевода “Сказки о рыбаке и рыбке” для нас представляет большой интерес и является делом поучительным особенно для тех, кто берется за перевод поэтических текстов. Дело в том, что первый вариант, сделанный с сохранением формы и объема текста в максимальной идентичности, не удовлетворил переводчика. Чтобы в этом убедиться,

любопытный монгольский учёный отдал его для прочтения некоторым своим знакомым и друзьям, с тем чтобы посмотреть на их реакцию. Реакция, естественно, была неудовлетворительной, так как в доскональной трансформации данного произведения на монгольский язык трудно было почувствовать фольклорный стиль сказки, который так и напрашивался. Тогда переводчик решил заново перевести, подстроив текст под стиль монгольского устного народного творчества. В результате объем произведения увеличился два с лишним раза, то есть текст в 205 строк был трансформирован в текст в 483 строки. Необходимость в повторном переводе была продиктована в основном некоторыми особенностями и специфическими моментами монгольского фольклорного искусства. Например, первые две строки были трансформированы в восемь строк, последующие – в шесть, в четыре и т.д.

Жил старик со своею старухой

У самого синего моря.

Хорст алтан дэлхийн

Ховоо хязгаар нутагт

Хох цэнхэр далайн

Эрэг ирмэг газарт

Эрт урьд цагт

Эмгэн овгон хоёр

Айл болон амьдарч

Аж торон суужээ.

Данная часть включает в себя традиционные образцы и речевые обороты, которые

обычно даются как эпилог в начале монгольских сказок. Их функция в основном заключается в том, чтобы привлечь внимание читателей и слушателей, ввести их в дух того, о чем пойдёт речь в сказках.

Они жили в ветхой землянке

Ровно тридцать лет и три года.

Хар усан ундтай

Хад чулуун номортэй

Газрын агуйд хоргодож

Галын илчинд шүтэж

Гучин жил тэнэж

Дочин жил суужээ.

Для того чтобы подчеркнуть ситуацию о том, как жили герои сказки до появления золотой рыбки, переводчик использует тут привлекательные средства, вольные приемы, в точности воссоздавшие образную картину в оригинале, сохранившие тем самым художественно-эстетическую ценность текста. Одной из характеристик монгольского устного народного творчества – это широкое использование парных слов с целью создания стихотворных рифм. Данный прием умело был использован мастером художественного перевода (хар ус – хад чулуу; гучин жил – дочин жил).

Старик ловил неводом рыбу

Старуха пряла свою пряжу.

Овгон нь загас барьж
Далайн ховоо сахина.
Эмгэн нь утас ээрч
Гэрийн мухар сахина.

Прием, который использован в переводе данных строк, то есть, удвоение или разбивка строки на две части, можно сказать, излюбленное средство Дамдинсурэна. Например, данным способом была переведена на монгольский язык вся “Песнь о вещем Олеге” Пушкина.

Как выше было упомянуто, традиционная монгольская поэзия в содержательном плане строилась больше на созерцательности, на разных элементах и средствах проявления внутреннего мира поэта по отношению к окружающему с позиции более пассивного восприятия действительности. Данная особенность, можно сказать, типична вообще для восточного искусства. Может быть, поэтому при обращении монгольских писателей и поэтов к М. Горькому в 1925 году с просьбой посоветовать по поводу того, что им следует переводить из зарубежной литературы, тот порекомендовал: как можно больше придерживаться “принципа активности”.³ И в результате тех работ, которые были развернуты по совету Горького, было переведено множество хороших вещей из зарубежной, в том числе, русской классической литературы. Переводы эти не делались даром, они оставляли свои следы в творчестве тех поэтов и писателей, которые занимались переводом. Например, в традиционной монгольской поэзии риторический вопрос считается не таким уж типичным явлением. Однако, в начале тридцатых годов прошлого столетия, в частности, в творчестве Д. Нацагдоржа

³ Улаанбаатар хотын мэдээ. 1925 оны 6-р сарын 23, № 189.

появляется несколько стихотворений публицистического характера, в которых автор заключает свою мысль в виде вопроса (“Од”, “Эсэргууг сонсвоос”, “Эрх чолоог хусэхой”, “Торон дотор уйтгарлахой”, “Хувьсгалын дайсан шар хар харгис, хуний дайсан дотуур гадуур овчин”, “Гэргий хуухдээсээ хагацахой”). Очень возможно, что увлечение поэта подобной формой, на наш взгляд, связано с его переводческой деятельностью из произведений А. С.Пушкина, как раз совпадающей по времени. Среди них особо выделяется своей художественной изящностью и глубиной мысли стихотворение “Звезда”(“Од”), обращенное к планете Марс, и наиболее удачно переведенное на русский язык поэтом Е.Евтушенко.

В форме вопроса составлено одно из знаменитых стихотворений С. Дашдоорова, точно перекликающееся с пушкинским стихотворением “Цветок”:

Торгон туузаар ороосон
Талын анхилуун цэцэг
Тоос шороонд дарагдаад
Замын хажууд хэвтэнэ.

Данная начальная строфа в переводе на русский язык выглядит следующим образом:

Цветы степные, благоуханные,
Повязанные шелковым лентом,
На обочине дороги брошены,
И вянут под пылью и прахом.

В эту нетипичную для Монголии картину автор включает – в отличие от

Пушкина – явно символизированный подтекст, который для традиционной монгольской поэзии является, между прочим, характерным явлением.

Особое место в монгольской переводной литературе занимает перевод стихотворного романа “Евгений Онегин”. Следует тут же отметить, что жанр сонета, вовсе нетрадиционный для восточной поэзии, был перенят в монгольскую словесную практику у европейцев через русскую поэзию, хотя европейский сонет в классической своей структуре невозможен для монгольского стихосложения. Сонетами монгольские поэты называют обычный стих из 14 строк. Они писались в определенное время, особенно после перевода на монгольский язык “Евгения Онегина”, возможно, под идентичным пониманием “онегинской строфы” и сонета. “Евгений Онегин” был дважды переведен на монгольский язык знаменитым монгольским поэтом Ч.Чимидом, сперва - в 1956, а затем - в 1979 году. Как отмечают исследователи, перевод “Евгения Онегина” стал значительным явлением⁴, “несомненно явился большим событием в монгольском искусстве перевода и внес значительный вклад в практику современного поэтического перевода с русского языка на монгольский”⁵. Кроме того, одним из первых исследователей монгольских переводов произведений Пушкина Р. Гурбазаром на основе сопоставительного анализа перевода и оригинала были обнаружены некоторые “недочеты”, которые могли бы послужить уроком для дальнейшего перевода произведений Пушкина. В частности, как он критикует, “переводчику не были ясны основные принципы теоретических основ поэтического перевода”; “перевод стал поверхностным в лексическом, фразеологическом и стилистическом отношениях”; “переводчик, в большинстве случаев, оказался в плену буквализма и

⁴ Х. Цэдэв. О переводе “Евгения Онегина” на монгольский язык.

⁵ Р. Гурбазар. Еще раз о переводе “Евгения Онегина” на монгольский язык. Сб: Хэл зохиол судлал. XIX боть, УБ. 1987, 76-р тал.

буквалистического следования оригиналу"; "частая деформация содержания романа в переводе вызывалась, прежде всего неверным пониманием авторского замысла"; "в новом переводе наблюдаются неоправданные опущения, с чем, разумеется, согласиться нельзя" ⁶. Также нельзя не оправдать его вывод относительно качества трансформированности романа: "вместе с тем явно недостает отшлифовки монгольского текста, так как самая безупречная передача содержания без тщательной переработки в процессе поэтического перевода еще не является полноценным переводом, который может заменить оригинал на другом языке в синтаксическом, стилистическом и эстетическом планах". Несмотря на все это, оба варианта перевода Чимидом данного романа все равно оставили следы относительно не только роста мастерства самого переводчика, но и развития в практике перевода русского стиха. Дело в том, что до "Евгения Онегина" практика поэтического перевода в Монголии еще не сталкивалась со столь объемным и крупным по масштабу поэтическим текстом на русском языке. Подобного масштаба тексты переводились раньше только с восточных языков (тибетского, санскритского, китайского, индийского и т.д.) и в большинстве они были нравоучительно-религиозного характера.

"Евгений Онегин" представился для монгольского художественно-поэтического мира в совершенно новом поэтико-литературном стиле, став пробным экспериментом перевода русского силлабо-тонического стиха на монгольский язык. Как известно, в свое время Пушкин, создавая свой шедевр со всеми возможными параметрами изящества русского стиха, которые могли с огромной силой воздействовать на читателя, проделал безмерно кропотливую работу. Учет одного только данного фактора задает иноязычным переводчикам

⁶ Мон тэнд, 77-79-р тал.

массу вопросов с тем, чтобы максимально сохранить тот эмоционально-эстетическую колоритность, которую сумел воссоздать сам автор. Как раз сложность трансформации подобных специфических элементов и заставила монгольского переводчика постоянно обращаться к первому своему варианту и повторно издать его с изменениями и переделками в объеме до семидесяти процентов первоначального варианта уже через 23 года. Трудности были связаны не только с художественно-композиционной спецификой, но и с ценностями информативно-фактологического характера романа. В частности, в нем много мест, требующих исторических комментариев или относящихся к национальным реалиям.

Что ж мой Онегин? Полусонный
В постелю с бала едет он:
А Петербург неугомонный
Уж барабаном пробужден.
Встает купец, идет разносчик,
На биржу тянется извозчик,
С кувшином охтенка спешит,
Под ней снег утренний хрустит.
Проснулся утра шум приятный.
Открыты ставни; трубный дым
Столбом восходит голубым,
И хлебник, и немец аккуратный,
В бумажном колпаке, не раз
Уж повторял свой васисдас.

Как видим, в данной только строфе нужно выяснить много слов или понятий, чтобы перевести на какой-то язык, не теряя их информативную ценность. Имеющиеся тут архаизмы или устаревшие слова (биржа, охтенка, васисдас, хлебник) могут быть трудно доступными даже для русскоязычных читателей. Современный читатель с трудом может догадаться, что биржа – это уличная стоянка извозчиков, хлебник – это пекарь или продавец хлеба, охтенка – жительница Охтинской слободы Петербурга, васисдас (устаревший германизм) – фортотчка и т.д. Кроме того, имеются информации исторического характера, без знания которых невозможно достичь полного смысла текста. Например, “А Петербург неугомонный Уж барабаном пробужден”, где имеется ввиду барабанная дробь утренней пробудки в казармах, расположенных в различных концах города гвардейских полков. Она же будила ото сна и трудовое население города. Все эти нюансы учитываются переводчиком, на основе чего выбираются соответствующие приемы. В нашем случае, устаревшее русское слово “биржа” переведено устаревшим монгольским словом “зээл”, которое в точности передает то же самое значение (Так обычно монголы называли ярмарку или открытое место для торговли, где скапливался народ с разными видами услуг). Слово “охтенка” в монгольском варианте выглядит как молочница, что также полностью соответствует своему значению, поскольку “охтенка, спешащая с кувшином, не просто обитательница Охты, а молочница”, так как “Охта была заселена финнами, снабжавшими жителей столицы молочными продуктами”⁷.

Второй момент, который следует упомянуть и который имеет немаловажное значение для переводческой практики русского стиха на монгольский язык, касается трансформации стихотворной архитектоники “Евгения Онегина”.

⁷ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина “Евгений Онегин”: Комментарий. Л., 1980, с. 165

Монгольский стих относится к силлабо-тоническому и традиционно имеет форму парной рифмовки в начале строфы в противоположность многим другим поэтическим системам, в том числе, и русской. В плане рифмовки “Евгений Онегин” идеален, разумеется, лишь в своем русском варианте (Думается, никто не поспорит об идеальности и оригинальности той или иной формы рифмовок в каждой данной поэтической системе). Учитывая ситуацию, переводчик не стал считаться с архитектурой стиха “Евгения Онегина”, поскольку данного рода работа предполагала чрезмерную сложность, а счел придерживаться традиционной монгольской рифмовки. Однако, было много других переводов других поэтических произведений Пушкина, в которых делались попытки передать композиционные особенности стиха, в том числе и рифмовку. Подобную попытку делал тот же самый Чимид, переведя знаменитое стихотворение Пушкина “Я памятник себе воздвиг нерукотворный”, где попытался сохранить форму стиха следующим образом:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознеся выше он головою непокорной
Александрийского столпа

Ариун гараар бутэшгуй хошоо дурсгалаа босгов, би
Ард тумний мор тууний зуг балрахгуй зурайна.
Айн дагахгуй тэргуунээрээ тэр хошоо маань сундэрлэж
Александрийн баганаас ч ондор байна.

Нужно сказать, что переводческая практика в истории монгольской поэзии

всегда оставляла глубокий след в самой поэтике. В XX веке она была в большей мере связана с русской поэзией. Некоторые поэты-переводчики сочиняли даже по горячим следам перевода из творчества того или иного русского автора, в том числе и Пушкина. В частности, тот же Дамдинсурэн, переведя пушкинскую “Тучу”, тотчас написал цикл стихов, где есть стихотворение “Туча”, точно напоминающее образную зарисовку, имеющуюся в пушкинском стихотворении. Учёба многих монгольских поэтов в Литературном институте, как было упомянуто, оставила глубокие отпечатки и в их собственном творчестве. Эти отпечатки связаны не только с теми местами, где они жили и учились, с добрыми, приятными воспоминаниями или общением со знаменитостями и т.д. Они связаны с художественной лабораторией, где автор занимался постоянным поиском или экспериментом, что непременно сказалось на их произведениях.

Знаменитый монгольский поэт Б.Явуухулан написал в 1959 г. стихотворение наиболее эпического плана под названием “У памятника Пушкину”, содержащее яркие моменты из жизни и творчества русского поэта. В том же году им было написано блестящее стихотворение, один из поэтических шедевров монгольской поэзии XX века “Вот где я родился”, точно напоминающее в плане композиции пушкинский “Кавказ”. Тут, не скажешь, что эти стихотворения не имеют между собой никакой связи.

Мы тут коснулись темы лишь о том, как повлияло творчество Пушкина на монгольскую поэзию XX века, в частности, на творчество некоторых наших знаменитых поэтов. Кроме того, интересным является тот факт, что в Монголии был не один случай, когда родители давали сыновьям имя Пушкин, свидетельство тому - у нас в Монголии был знаменитый художник по имени Пушкин. Кроме того, в воспоминаниях знаменитого монгольского поэта Д. Цоодол говорится о том, как он сам давал своему новорождённому брату имя Пушкин, когда учился еще во

втором классе начальной школы. Любопытная в данном случае ситуация подталкивает нас упомянуть тут, как было дело с мальчиком, будущим поэтом, который хотел звать своего брата по имени великого русского поэта: “Осень 1955 года. Я, как все дети в интернате, сильно скучал бывало по дому. Однажды приезжает отец на радость, и говорит: “Поехали сынок домой! Мать тебе братишку родила! Прошло трое суток, как родила.” Как я обрадовался – словом не сказать! Побежал в класс, схватил сумочку и вылетел из класса, ответив на вопрос учителя “Куда ты?” с некоторым заиканием на ходу “У меня братишка родился.” Приезжаем домой, а в доме у нас гости, кушанье всякое приготовлено: видно, что нас ждали. Почему ждали – стало известно через некоторое время. Отец посадил меня выше всех гостей, на место для самых уважаемых, а мать, как будто к ламе приклонилась, села напротив меня, приподнеся на руках младенца. Отец тут же сказал: “Дай братишке имя”. (Заметим, что ритуал идёт по-монгольски.) Я, конечно, растерялся. А мне говорят: ты не волнуйся, сначала подумай хорошенько, и придумай красивое имя, настоящее мужское..! Ты же умница у нас! А в голове у меня крутятся разные имена... знакомых, друзей, соседей... Нет, никакое из них не подходит: брат должен иметь достойное имя! Крутилось оно, одно такое, достойное и довольно приличное, никак не отходит. И я сказал: Пушкин! Все присутствующие в доме как-то удивились, а отец, видно, своим ушам не поверил, уставился прямо на меня: не ослышался ли? Мать была совсем ошеломлена. “Как он сказал? – был первый вопрос. Ну-ка скажи какое имя? Пуушгин что ли?” Задавший последний вопрос произнёс имя как-то приблизительно к монгольскому названию папиросы – пуушиг (от русского “пушка”). “Имя-то что означает? Откуда ты придумал такое имя? Ну-ка повтори еще раз!” – следовали вопросы один за другим. Дело было понятное: откуда им, живущим в глуши, в ущельях гор, знать имя Пушкина. Но я знал. Знал не только его имя, но и наизусть читал

знаменитую в ту пору “Сказку о рыбаке и рыбке”, которую по их же просьбе пришлось мне не раз читать, приходилось читать ее даже на свадьбе”.⁸ – пишет он. Это, может быть, яркое свидетельство того, что Пушкин и его творчество для Монголии – явление особенное.

Таким образом, литературно-переводческая история Монголии XX века прошла в тесном контакте с великой русской литературой, в том числе, с художественным миром Пушкина. Художественная литература как духовная сила, стремящаяся по своей природе к свободе мысли, всегда находилась на вершине духовно-интеллектуальных поисков, служила неким маяком общественно-эстетического сознания в различных странах мира. В этом играет большую роль художественный перевод, который является своеобразным средством сближения народов, взаимообогащения или взаимослияния элементов разных типов культур. Все ли элементы, извлеченные из того или иного художественно-эстетического мышления, могут приспособляться к той или иной культуре – дело времени. Но монгольская поэзия XX века, испробовавшая подобные, да и другие литературно-стилистические приемы и средства соседнего зарубежья, конкретным примером чего служат переводы произведений Пушкина, пролистала интересную страницу в истории развития своей поэтики.

⁸ Д. Цоодол. Хонины боол. УБ., 2008, 7-9-р тал.

Литература

- Алексеев. М. П. "Евгений Онегин" на языках мира. Мастерство перевода. М., 1964
- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.
- Гурбазар Р. Еще раз о переводе "Евгения Онегина" на монгольский язык. Сб: Хэл зохиол судлал. XIX боть, УБ. 1987
- Дамдинсүрэн Ц. Бурэн зохиол. 3 дугаар боть, УБ., 2001.
- Львовская З. Д. Современные проблемы перевода. М., 2008.
- Магсар Ц. Поэзия Пушкина в монгольских переводах. Сб: Русский язык и литература как средство межкультурного диалога. УБ., 2002.
- Цэрэнсодном Д. Монгол уран зохиол. УБ., 1987.
- Яцковская К. Н. Поэты Монголии XX века. М., 2002.
- Поэты Народной Монголии. М., 1961.

